

Мужчина, который всю ночь видел сны о другом мужчине, да ещё они сидели в углу лицом к лицу, не отрывая глаз друг от друга...

Одна мысль об этом вызывала жгучий стыд.

Хорошо, что это был сон. В реальности он бы точно так не поступил! Точно! Ни за что!

Бай Ян уверенно внушал это себе.

Цинь Бугуй, переживший то же самое, лишь спокойно скользнул по нему взглядом и отошёл к умывальнику в сторонку. Поставив кружку с зубной щёткой, он наклонился и, освежив лицо прохладной водой, смыл остатки боли, усталости и всё ещё невыносимую духоту.

Нельзя было не признать — одежда была чертовски плотной.

Бай Ян, булькая водой во рту, наклонился, чтобы выплюнуть её, и вдруг заметил, как Цинь Бугуй, наклонившись, обнажил бледную, с чёткими позвонками шею и расстёгнутый воротник.

Взгляд его чуть не рванулся вглубь выреза, но он, испугавшись собственных мыслей, резко отвёл глаза.

...И через пару секунд невольно вернулся.

На этот раз он не осмелился смотреть на кожу под тканью и уставился на рукав Цинь Бугуя.

Длинный рукав, спускаясь до запястья, легко намокал от воды, которой тот умывался.

Из-за движений ткань рукава колыхалась, и Бай Яну на мгновение померещилось что-то вроде синевы, мелькнувшее на белизне.

Бай Ян протянул руку к запястью Цинь Бугуя: «Ты так весь рукав намочишь».

Цинь Бугуй, умываясь с закрытыми глазами, не видел его движений. Лишь когда пальцы уже схватили его за руку и попытались закатать рукав, он резко выпрямился, другой ладонью прикрывая ткань на запястье, и отшатнулся с видом настороженным.

Бай Ян замер: «...»

Что такое? Почему такая реакция? Нельзя даже прикоснуться?

Почувствовав, будто Цинь Бугуй его оттолкнул, Бай Ян опустил голову, потер нос и обиженно пробормотал: «...Извини. Я просто хотел помочь с рукавом».

Цинь Бугуй взглянул на мокрый манжет, опустил руку и тихо сказал: «Спасибо».

Бай Ян ухмыльнулся: «Не за что~»

Но запомнил этот момент, велел себе впредь быть осторожнее.

Быстро умывшись и почистив зубы, Бай Ян пошёл за Цинь Бугуем, швырнув свои принадлежности в палатку, и весело спросил: «Куда пойдём теперь?»

Друзья из соседних палаток, наблюдая за его сияющей улыбкой, переглянулись.

«Когда он стал таким приветливым?»

«Вчера тоже был таким».

«Но чтобы он так улыбался кому-то? Даже нам он так не улыбался».

«...»

Если Ли Чжужань был самым властным задирой в элитном классе, то Бай Ян и его компания, что целыми днями носились без устали, были хулиганами уровня выше школьных. Даже спортсмены-забияки из других школ относились к ним с уважением.

В городе спортсменов не так уж много, и лучшие из них всегда на слуху. Круг общения Бай Яна не ограничивался одной школой — он водил дружбу со всеми, кого регулярно встречал на соревнованиях и слётах.

И нрав у тех был ничуть не лучше, чем у «цивилизованного подлеца» Ли Чжужаня.

Так что Бай Ян, постоянно вращавшийся в такой среде, не был таким уж открытым и солнечным, каким казался.

Драк он никогда не чурался, причём зачастую сам был зачинщиком.

И потому он, привыкший быть в центре внимания, никогда не подхалимничал, не бегал ни за кем по пятам, не подстраивался и уж тем более не улыбался так глупо.

Друзья, наблюдая со стороны, лишь недоумевали: выходит, Бай Яну по нраву холодные, отстранённые аристократы.

Бай Ян же, будучи внутри ситуации, даже не осознавал этого. Он просто находил Цинь Бугуя чертовски интересным, хотел быть ближе, и даже одно слово от него приводило его в восторг.

Цинь Бугуй, едва выйдя, оказался опутан его вниманием и не мог вернуться в палатку, чтобы сменить повязки. Пришлось холодно заявить, что ему нужно в уборную, приказав даже туда собравшемуся следовать Бай Яну остаться в палатке и пообещать вернуться — лишь так он выцарапал себе немного личного пространства.

«[Куда бы он ни попал, в каком бы теле ни оказался, Бай Ян остаётся Бай Яном.]»

«[Эти двое — просто идеальная пара... Пожалуйста, поженитесь!]»

«[Слышал, Скорпион и Овен собираются пожениться? Я уже принёс загс! И девять юаней за вас внесу! Нужно ли жильё подготовить? ТТ? Хе-хе.]»

Цинь Бугуй пошёл перевязываться, и зрители снова лишились его вида. Они автоматически переключились на Бай Яна, с умилением наблюдая, как тот сидит в ожидании, не находя себе места.

Но тут в палатку влез один неприятный тип и, увидев вместо Цинь Бугуя Бай Яна, удивился и спросил: «Ты что тут делаешь?»

Бай Ян, взглянув на Льва, сразу нахмурился и недовольно бросил: «Тебе какое дело? А ты зачем пришёл?»

«...» Лев, сдерживая раздражение, вспомнил, что когда-то они с Бай Яном были друзьями, и решил, что сможет восстановить отношения.

Он улыбнулся, подошёл и сел рядом: «Не будь таким напряжённым. Мы же здесь отдыхаем, расслабься».

Затем он окинул взглядом палатку, увидел вещи Лоу И, и в глазах его мелькнуло непроизвольное презрение. Снова повернувшись к Бай Яну с улыбкой, он спросил: «Я смотрю, ты с Лоу И хорошо общаешься?»

Бай Ян с гордостью фыркнул: «Ещё бы!»

Улыбка на лице Льва стала натянутой. Уголки его губ дёрнулись, скорее в усмешке, чем в согласии: «Он не слишком-то хороший человек».

Бай Ян взорвался моментально, вскочил и, ткнув пальцем в сторону Льва, зашипел: «Повтори-ка, чёрт возьми! Я тебя с вчерашнего дня терплю...»

Лев, никогда не сталкивавшийся с таким пренебрежением, тоже закипел. Но, вспомнив родительские наставления, он сохранил спокойствие и с той же улыбкой сказал: «Не горячись. Я могу тебе всё объяснить... Я знаю его куда дольше тебя. Мы с начальных классов вместе учились, многое тебе неизвестно...»

Бай Ян тяжело дышал, явно не веря, но, услышав о «Лоу И из начальной школы», с интересом спросил: «Каким он был тогда?»

Лев улыбнулся: «Хочешь знать? Расскажу. Но он совсем не такой, каким ты его представляешь...»

Обёрнув всё в красивую упаковку, Лев выставил Лоу И жалким, трусливым, ничтожным и уродливым созданием, вроде грязной крысы из сточной канавы. Сам же он предстал тёплым спасителем, избавившим несчастного изгоя от одиночества, всегда помнившим о нём и даже за едой не забывавшим позвать Лоу И, — добрым и прекрасным.

Он довёл искусство словесной эквилибристики до уровня, когда чёрное легко выдать за белое, не оставив ни малейшего зазора для сомнений.

«...И знаешь что? Он не только тёмный внутри, но и извращенец! Я тогда обалдел...» — с ядовитой ухмылкой Лев достал телефон, открыл фотографию страницы дневника и показал её Бай Яну.